

В. А. Бурнаков^{1,2}, Д. Ц. Цыденова²

¹ *Институт археологии и этнографии СО РАН
пр. Акад. Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия*

² *Новосибирский государственный университет
ул. Пирогова, 2, Новосибирск, 630090, Россия*

venariy@ngs.ru, ruta22@rambler.ru

ХУС ТӨС – ПТИЧИЙ ФЕТИШ В МИФОРИТУАЛЬНОЙ СФЕРЕ ХАКАСОВ (КОНЕЦ XIX – СЕРЕДИНА XX ВЕКА) *

На основе архивных и литературных этнографических сведений рассматривается один из аспектов культа птиц у хакасов. Он нашел свое выражение в феномене фетишизма, в частности в виде ритуального изделия *Хус тӧс*. В традиционном сознании народа представлен многогранный синкретичный образ этого духа. В нем угадываются черты разных видов птиц, выявляется его связь с божеством плодородия. В традиционном мышлении народа он наделялся охранительными, покровительствующими, лечебными и иными свойствами, в связи с этим фетиш *Хус тӧс* воспринимался в качестве воплощения этого духа-покровителя. Среди верующих бытовала убежденность, что от его благосклонности зависит сохранность здоровья людей, благополучие их жизни и успех в хозяйственной деятельности. Отводимая ему особая сакральная роль в духовной жизни хакасов способствовала формированию определенной системы обрядности. Она включала в себя как индивидуальные акты поклонения, так и коллективные, с регламентированными нормами жертвоприношения и посвящения ему животного – *ызых*.

Ключевые слова: хакасы, традиция, мировоззрение, культ птицы, фетиш, *Хус тӧс*, обряды.

В условиях современного развития общества, характеризующегося нарастающими процессами полиэтнизации, глобализации, модернизации, значительно возрос интерес населения к историческому и этнокультурному наследию. Сохранение и развитие культур и языков народов России, укрепление их духовной общности стало основной целью Государственной программы. Наряду с другими в нее была включена и Республика Хакасия. В этом субъекте РФ традиционная культура титульного этноса рассматривается в разнообразии форм и проявлений, включая мифологию, обряды и праздники,

а ее развитие – через призму диалога с другими этническими культурами. Данные обстоятельства и определили актуальность представленной работы.

Целью исследования является определение роли и места фетиша *Хус тӧс* в традиционной мифоритуальной практике конца XIX – середины XX в. Для достижения поставленной цели решались следующие задачи: систематизировались сведения об этом культовом изделии, дана характеристика его религиозно-мифологических функций, выявлены различные вариации его внешних форм и способов размещения в пространст-

* Исследование проведено в рамках базовой части государственного задания в сфере научной деятельности (проект № 2718).

ве у различных субэтнических групп хакасов, произведен анализ связанной с ним обрядности.

В мировоззрении хакасов образ птицы был одним из самых архаичных и широко распространенных. Реликты культа птиц обнаруживаются во всевозможных народных поверьях, обычаях, топонимике, орнаментике и т. д. В космогонических мифах хакасов представлены две водоплавающие птицы – демиурги (утки). Они отождествляются с главными божествами хакасского пантеона – *Худа* и *Ирлик хан* (Эрлик-хан) [Катанов, 1907. С. 522; Дыренкова, 1929]. Образ птицы был включен практически во все сферы духовной жизни хакасов. Некоторые из них воспринимались в качестве тотемных божеств и являлись важнейшим объектом религиозных поклонений. В традиционном сознании образ птицы символизировал собой вестника, спасителя человечества, а также культурного героя – подателя огня и других благ. По мифологическим представлениям, благодаря птице удалось сохранить на небе главные светила. С образом пернатых связывается комплекс представлений о душе человека. Например, верили, что ласточка доставила человеку его душу. Следует заметить, что в религиозно-мифологическом мышлении и сама душа нередко представлялась в орнитоморфном образе. Помимо того, в архаических воззрениях птица выступает одним из ключевых посредников между мирами. В шаманизме эти представители животного мира часто выступают в качестве незаменимых духов-помощников шамана (см.: [Катанов, 1907. С. 525; Коре Сарыг..., 1974. С. 119; Мифы и легенды..., 2006. С. 10] и др.).

В соционормативной практике хакасов отдельные птицы выступали в качестве распространенных объектов дарообмена [Потапов, 1959]. Особое место образу птицы отводилось и в таком раннем религиозном проявлении, как фетишизм, по-хакасски – *тӧс*. Одним из наиболее известных и почитаемых культовых изделий был *Хус тӧс* – букв. «птичий фетиш». Он олицетворял собой орнитоморфного духа-покровителя. Самые ранние сведения о данной мифоритуальной практике хакасов были зафиксированы еще в первой половине XVIII в. красноярскими детьми боярскими Прокопием Многогрешным и др. Они обратили внимание на то, что местные жители в своих

жилищах «из птиц привязывают орлов и лунев и... в них веруют» (цит. по: [Андреев, 1936. С. 100]).

К концу XIX в. фетиш *Хус тӧс* получил широкое распространение среди хакасов. При этом он имел различные вариации внешних форм: от птичьих чучел и орнитоморфных скульптур до их абстрактно-символических изображений. По наблюдениям П. Е. Островских, *Хус тӧс* – «это изображение какой-то птицы из тополевой коры, утыканное перьями» [1895. С. 341]. Наиболее полное описание одной из разновидностей этого фетиша было сделано Е. К. Яковлевым [1900. С. 51]. Автор сообщил о том, что у сагайцев и качинцев наиболее часто встречалось изображение этого духа в следующей форме¹. Оно представляло собой березовую вильчатую палку длиной 1–1,5 м. Между ними был протянут ремешок. К концам разветвлений крепились изображения двух летящих птиц. Они, как правило, изготавливались из коры тополя. В боках и задней части фигуры при помощи шила проделывали отверстия. В них вставляли перья, представлявшие собой крылья и хвост. К концам рогатины привязывались еще и две косички длиной около 35 см, сплетенные с одной стороны из белого, а с другой – из черного конского волоса. Ствол палки обвязывался лентой [Там же]. Иногда к двум концам палки подвязывались *чалама* – ритуальные ленты белого, синего и красного цветов².

Н. Ф. Катанов ввел в научный оборот новые сведения еще по двум вариантам *тӧс* – «покровителя птиц» [1907]. Первый из них имел большое сходство с фетишем, описанным Е. К. Яковлевым. Наряду с этим в нем присутствовали и некоторые отличительные черты. Например, непосредственное изображение птицы было оформлено лишь в единственном экземпляре. Ее фигура была закреплена на ремешке не с краев, а по центру, между развилинами березовой палки. Автор отметил также еще одну специфическую деталь данного культового предмета: в бока птичьей фигуры были воткнуты перья черного орла, имитирующие собой крылья этой птицы [Там же. С. 576]. Остальные элементы внешнего оформления божка, опи-

¹ Сагайцы (*сагайлар*), качинцы (*хаастар*) – субэтнические группы хакасов.

² АМКМ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 664. Л. 28, 38 об.

санные Е. К. Яковлевым, ученый не упомянул, очевидно, ввиду их отсутствия.

Следует заметить, что встречались фетиши, посвященные этому духу, с непосредственным орнитоморфным его изображением, но без дополнительной палки [Анучин, 1899. С. 142. Рис. 1; Зеленин 1936. С. 9; Иванов, 1979. С. 133. Рис. 2]. Между тем в противоположность этому, встречались *mös* и без основного маркера – птичьего образа. К числу подобных божков относится вариант *Xus mös*, рассмотренный Н. Ф. Катановым. Он обладал следующей структурой: к верхней вильчатой части березовой палки привязывался небольшой кусок парчи. Само изделие опоясывалось черною дабою [1907. С. 577]³.

Д. А. Клеменц, анализируя *mös* кызыльцев, выявил бытование у них совершенно иных по форме и материалу изготовления вариантов *Xus mös*⁴. Они представляли собой парные птичьи фетиши. Как заметил ученый, изображаемые сакральные фигурки отличались друг от друга размерами. Одна из них была больше второй. Их голова и туловище были целиком вырезаны из дерева. В соответствующих местах к ним были прикреплены перья, символизирующие собой крылья и хвост [1892. С. 31]. Е. К. Яковлев, также изучавший кызыльские фетиши, внес ряд существенных дополнений к ранее представленным Д. А. Клеменцем материалам об этих птичьих божках. Согласно его сведениям, деревянные модели птиц окрашивались в черный цвет. Исследователь представил точные данные о внешних параметрах одной из этих фигур: длина тела одной из птиц, от клюва и до конца хвоста составляла 18 см [1900. С. 61]. К сожалению, ученый не пояснил, к какому именно изображению птицы – малой или большой, относились эти измерения.

Д. Н. Анучин, изучая коллекции фондов Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера), не обошел вниманием и хакасские культовые изделия. Главным образом, им были проанализированы три варианта орнитоморфных *mös*. По описанию ученого, фетиши представляли собой деревянные модели птиц «немногим менее натуральной величины», окрашенные

черной краской. К двум из них были подвязаны разноцветные ленточки (20 см) в количестве пяти и семи штук. К одной из этих фигур с боков и хвоста были воткнуты черные перья [Анучин, 1899. С. 141–142]. Тем не менее автор не указал к какой именно субэтнической группе хакасов принадлежали эти ритуальные изделия. Необходимо указать, что данный пробел позднее был восполнен Д. К. Зелениным. Он в «Культе онгонов в Сибири» [1936. С. 9] идентифицировал их в качестве кызыльских фетишей.

В дальнейшем С. В. Иванов, анализируя кызыльские *mös*, пришел к заключению о том, что *Xus mös* у них встречался в двух разновидностях: из тополиной коры и целиком вырезанный из дерева. Причем знаковые части – крылья и хвосты, в каждой из вариаций их изготовления, неизменно оформлялись настоящими птичьими перьями [1979. С. 132–133].

Этнографические исследования М. С. Усмановой, проведенные среди кызыльцев в 1970-х гг., существенно дополнили сведения о ритуальной практике поклонения фетишу *Xus mös* этой группой хакасов в прошлом. Автор уточнила особенности экстерьера божка. В частности, сообщила о том, что к изображениям птиц чаще прикреплялись перья глухаря-косача [1975. С. 209]. Следует заметить, что еще в начале XX в. об активном использовании перьев глухаря при изготовлении *mös* сообщал и А. В. Адрианов. Однако ученый не конкретизировал, при оформлении какого именно божка они употреблялись [1904. С. 37].

М. С. Усманова также внесла ряд существенных дополнений к уже имеющимся сведениям о *Xus mös*. В религиозно-мифологическом сознании хакасов, по замечанию автора, большая фигура птицы ассоциировалась с самцом, а меньшая – с самкой⁵. При описании их экстерьера исследовательница уточнила следующую деталь: в глазницы божка нередко вставляли белые бусинки⁶. Вместе с представленными пояснениями ею были выявлены новые, совершенно оригинальные варианты изучаемого культового предмета. Например, один из них представлял собой изготовленную из ткани фигуру птицы с петушиными перьями, прикрепленными в уже обозначенных

³ Даба – китайская хлопчатобумажная ткань.

⁴ Кызыльцы (хак. *хызыллар*) – субэтническая группа хакасов, проживающая преимущественно на севере Хакасии.

⁵ АМАЭС ТГУ. № 678-3. Л. 33.

⁶ Там же.

местах [Усманова, 1975. С. 209]. Не менее оригинально выглядела и другая разновидность *Хус тӧс*. Из дерева мастерили туловище птицы. Затем к ней прикрепляли настоящую голову тетерева-косача, а на места крыльев и хвоста, как и на остальных его вариантах, вставляли перья этой же птицы⁷. По сведениям М. С. Усмановой, порой тетеревиные перья кызыльцы заменяли петушиными, а иногда и синичьими⁸.

У сагайцев, кроме того, был распространен птичий фетиш под названием *Тума тӧс*. Он имел следующий вид: на шнур длиной около 25 см поочередно нанизывались угольки и хвостовые перья тетерева (глухаря) в количестве от семи до двенадцати штук. Его располагали на мужской половине юрты у двери [Яковлев, 1900. С. 52; Адрианов, 1909. С. 522].

Представленная обширная вариативность внешних форм и параметров *Хус тӧс*, используемых в обрядовой практике хакасов, не только свидетельствует о локальной специфике его изготовления, но и говорит о популярности птичьего культа повсеместно. Следует заметить, что верующие под обобщающим названием *Хус тӧс* воспринимали и почитали не только какого-то абстрактного духа – покровителя птиц и людей. В своей мифоритуальной практике они выделяли конкретных пернатых представителей. Так, в процессе изготовления этих почитаемых предметов особый акцент ставился на свойственные их реальным прототипам детали экстерьера. Соответственно конкретизировались формы их тела, цвет, оперенье и др. Следует обратить внимание, что наиболее распространенными и сакрализуемыми образами птиц, воплощенными в фетишах хакасов, были: орел / ястреб, тетерев-косач, кукушка и др. (см.: [Клеменц, 1892. С. 31; Анучин, 1899. С. 141–142; Катанов, 1907. С. 569, 576; Яковлев, 1900. С. 61–62; Иванов, 1979. С. 132–133] и др.).

В обрядовой поэзии хакасов, записанной еще в конце XIX в. Н. Ф. Катановым, представлен чрезвычайно сложный, двойственный и в определенной мере противоречивый образ *Хус тӧс*. Для более наглядного восприятия его портретной мифологической характеристики полностью приведем текст *алгыс* – молитвенного обращения к нему:

«Ты проходишь снежные хребты, покрытые (летом) пучками, проходишь черные хребты, покрытые болотом! Ездишь верхом на вороно-карем коне! Приносится тебе в жертву черный тетерев! Правое крыло твоё разгоняет черные облака высокого неба, а левое крыло разбивает пар, поднимающийся от черной земли! Кнутом тебе служит толстая кишка (приносимого тебе в жертву животного), а украшением белые и синие ленты! Конь твой ест траву на горе Сүбүр, пьет воду в молочном озере! Во время новолуния ты обмахиваешься белыми и синими лентами, изображение твоё с каждым поднятием руки кропится (водкою), ещё не отведавшую ни одним имеющим рот (т. е. ни одним человеком)! Плесканьем воды под свои крылья ты беседуешь (с водяным духом)! Не причиняй боли верхней части плечной лопатки! С тех пор, как пернатые птицы, отправившиеся к царю (небесному), прилетали впервые из царской земли, стали увлажнять высохший рот твой, с тех пор стала расти на черной земле трава, крепкие деревья стали покрываться листьями, стал раздаваться звучный голос золотой кукушки, имеющей величину с голову коня! Окажи защиту пасомым и подай помощь черным головам (т. е. хакасам)! С самого древнего времени и с самых ранних пор (люди) стали кадить тебя богородскою травою, растущею на Алтайском хребте, и подстилать для тебя такую белую величиною с потник кочму, которая лежит теперь подо мною и через которую я не давал перешагивать снохам! Ты резвишься в ручьях, текущих извилинами! Жилище твоё заперто (для врагов твоих)! Ты играешь на черной скале, будучи в образе черного тетерева! Расхаживаешь по 9 скалам и излечиваешь замерзшую грудь (молящихся тебе)!» [1907. С. 568–569].

В изложенном сакральном тексте выявляется полиморфный образ *Хус тӧс*. С одной стороны, он предстает в виде некоего крылатого божества со свойственными существам подобного рода гиперболизированными чертами. Оно преимущественно пребывает в верхней сфере мироздания, главным образом, у мифической небесной горы *Сүбүр таг* и молочного озера *Сүт көл*. В традиционной картине мира хакасов данные священные объекты известны как местообитание отдельных божеств-небожителей – *чайаан*. Именно из обозначенного са-

⁷ АМАЭС ТГУ. № 678-1. Л. 28.

⁸ Там же. № 677-13. Л. 33; № 678-3. Л. 33.

крального локуса, как полагали верующие, богиня плодородия *Ымай иче* (Умай) посылает людям души их будущих детей. Данное обстоятельство недвусмысленно указывает на сопричастность этого духа-покровителя к Верхнему миру и идее плодородия, а также на наделение его определенными чертами медиатора.

Следует отметить, что в представленном молитвенном повествовании конкретизирован еще и предмет жертвоприношения этому сверхъестественному существу. В качестве дара ему преподносят «черного тетерева». Подобная специфика пищевого пристрастия почитаемого духа недвусмысленно демонстрирует его хищническую плотоядную природу. Если принять во внимание то обстоятельство, что корпус фетиша нередко оформлялся орлиными перьями – ключевым маркирующим символом птицы, часто используемым в традиционной обрядности, то в сознании верующих невольно мог возникнуть образ мифического царя птиц – орла. В пользу данной мысли свидетельствуют и некоторые конкретные биологические характеристики орла, а если быть точнее – ястреба-тетеревятника⁹. Как подчеркивается самим русскоязычным наименованием рассматриваемой птицы и известно из зоологии, в пищевую специализацию ее как раз и входит тетерев. В дополнение к этому следует отметить, что, по сообщению Д. Н. Анучина, в образе *Хус тӧс* хакасы нередко усматривали ястреба. Более того, ученый дал точное описание внешних форм и параметров фетиша. Его фигуру вырезали из дерева и окрашивали в черный цвет. Длина ритуального изделия составляла около 18 см [1899. С. 141]. Между тем более углубленный анализ образа *Хус тӧс* обнаруживает тот факт, что в его идентификации не все так определено и однозначно.

При описании *Хус тӧс* выявляются отдельные признаки, в определенной степени выявляющие его антропоморфные черты. В частности, почитаемый дух перемещается в пространстве на вполне приземленном «вороно-карем коне». Исходя из данного обстоятельства, например, сложно себе

представить непосредственно всадника-птицу (орла, ястреба), едущего на коне. Гораздо убедительнее в этом плане образ некоего человекоподобного существа с ярко выраженными орнитоморфными чертами – крыльями и др.

При дальнейшем анализе его образа обнаруживается следующая деталь. В молитве к *Хус тӧс* сделан акцент на особой связи духа – покровителя птиц с водной стихией и земным началом. Данные свойства не совсем типичны для орла (ястреба), который в мифологическом сознании чаще соотносится с символикой огня (солнца) и воздушной стихии. В большей степени, рассматриваемые мифопоэтические черты характерны и применимы в отношении наземных птиц. Особо выделенная связь с землей и растительностью, вероятно, свидетельствует еще и об оседлом образе жизни этого пернатого представителя. В завершающей части молитвы, адресованной духу – покровителю птиц, его завуалированный образ окончательно развеивается. Почитаемый дух предстает в виде «играющего черного тетерева». Следует заметить, что одним из альтернативных наименований *Хус тӧс* у хакасов было *Кӱркӱ тӧс* – букв. «тетеревиный фетиш» [Клеменц, 1892. С. 31; Яковлев, 1900. С. 61; Хакасско-русский словарь, 2006. С. 218]. Как известно из зоологии, тетерев в течение всего года проживает в одной местности. Более того, тетерев предпочитает селиться в смешанном лесу с преобладанием березы. Очевидно, что данная его биологическая особенность нашла свое выражение в ритуальной избирательности обозначенной породы дерева, связанной с этим пернатым представителем. Не случайно именно березовую палку использовали в качестве одной из составляющих этого фетиша. Вполне объясним и факт того, что при оформлении *Хус тӧс* хакасы нередко использовали пестушиные (куриные) перья¹⁰. Манера его передвижения по земле обнаруживает аналогию с домашней курицей. Следует заметить, что тетеревиный след чрезвычайно похож на куриный, хотя немного уступает размером и имеет более короткий шаг. Итак, в традиционном мышлении хакасов *Хус тӧс* реализует идею божества с единой внутренней сущностью, но при этом с ярко выраженным потенциалом многообразия своего

⁹ Орел и ястреб имеют схожие морфологические признаки и входят в одно семейство птиц отряда ястребиных. В традиционных представлениях хакасов эти птицы нередко соединяются в единый образ и идентифицируются под общим наименованием *Хара хус* – «орел» (букв. «черная (могучая) птица»).

¹⁰ АМАЭС ТГУ № 678-2. Л. 48.

внешнего проявления. Не исключено, что в идее метаморфозы рассматриваемого мифического существа завуалирована традиционная ключевая мысль о круговороте бытия, изменчивости и переходности форм жизни. Реализуется суждение о том, что за смертью следует дальнейшее возрождение и жизнь в новом качестве. Приносимая в жертву божеству птица, подпитывая его силы, впоследствии и сама воплощалась в нем, проявляя свою внешнюю форму в виде тетерева. Видоизменение и переходность образа выражали идею постоянного движения, пульсации жизни и выступали одним из маркирующих символов духа-покровителя.

Нельзя исключать и того обстоятельства, что собирательный и противоречивый образ изучаемого божества явил собой результат не только эволюции, но и синкретизма с иной религиозно-мифологической системой и с ее конкретными орноморфными персонажами. Это проявляется в неоднозначной характеристике образа *Хус тӧс*. Очевидно, что в подобном описании могли переплестись мифологические образы различных, вероятно, изначально не связанных друг с другом образов духов-божеств. В пользу данного предположения могут свидетельствовать этнографические материалы В. Я. Бутанаева, согласно которым местом исконного проживания *Хус тӧс* считалась Монголия, а фетиш имел еще название *Моол тӧс* – «Монгольский тӧс». В дополнение к этому исследователь сообщил о том, что птичий божок, именуемый сагайцами *Тума тӧс* или *Хара Тума*, также происходил из Монголии [2003. С. 127].

В мировоззрении и обрядовой практике хакасов, как уже было сказано, *Хус тӧс* отводилась роль покровителя и защитника людей и их хозяйства. Об этом убедительно свидетельствует и текст обращенной к нему молитвы. Как отмечал Е. К. Яковлев, часть тӧс, «имеющих более общее значение покровителей вообще, покровителей скота, ставятся наружи юрты, на огороже скотских загонов, наконец, на степи или пастбищ; таковы идолы кус тӧс <...> и др.» [1900. С. 109]. Высказанное замечание исследователя нуждается в определенном уточнении. В этнографической действительности *Хус тӧс* мог располагаться как вне юрты, на южной стороне ее внешней стены, так и внутри жилища и в специально отведенных для фетишей кумирнях [Там же. С. 51; Ка-

танов, 1907. С. 576; Адрианов, 1909. С. 522; Усманова, 1975. С. 209]¹¹. Специфика пространственного размещения *Хус тӧс* во многом зависела от субэтнических и локальных особенностей ритуальной практики хакасов. Например, у кызыльцев птичий тӧс часто подвешивался внутри юрты над печкой, а в срубных избах подвешивали к матице¹².

Хус тӧс относился к высшей категории фетишей (*ызых'тыг тӧс*), которым посвящались специально избранные животные – *ызых*. В качестве таковых у хакасов могли выступать кони (лошади), коровы и бараны [Зеленин, 1936. С. 288–335]. Они считались носителями успеха и счастья хозяйства и были в полной неприкосновенности для посторонних. По этнографическим данным, *Хус тӧс* посвящали *ызых*-коня. В литературе приведены разнящиеся сведения о конкретной масти посвящаемого животного. В обрядовом фольклоре встречается упоминание о таких цветах, как черный (вороной), черно-коричневый, коричневый и голубой [Островских, 1895. С. 341; Яковлев, 1900. С. 51, 107; Катанов, 1907. С. 569, 577; Адрианов, 1909. С. 523]. Цветовое разнообразие *ызых* опять-таки может быть объяснено субэтническими и локальными особенностями его выбора у хакасов.

Обряд посвящения или ставления *ызых* (хак. – *ызых тударга*) [Хакасско-русский словарь, 2006. С. 1037] носил семейно-родовой характер и обязательно сопровождался жертвоприношением. В связи с этим на нем должны были присутствовать не только представители одной семьи, но и остальные родственники. Обряд проводился шаманом на новолуние. В жертву *Хус тӧс* обычно приносили черного тетерева [Катанов, 1907. С. 577; Яковлев, 1900. С. 107]. В исключительных случаях его заменяли иным жертвенным даром, по поводу чего Н. Ф. Катанов писал: «Если черного тетерева не найдется, то кладут в корыто мяса и подносят его к изображению, чтобы поднимался к нему пар» [1907. С. 577]. А. В. Адрианов,

¹¹ Специализированные строения – *тӧстиг киртпе, сӧбеежӧк*, используемые как в ритуальных, так и в хозяйственных целях, были в основном распространены среди кызыльцев (АМАЭС ТГУ. № 678-2. Л. 48).

¹² АМАЭС ТГУ. № 677-2. Л. 45; № 677-9. Л. 7; № 677-13. Л. 33; № 678-3. Л. 33.

отмечал, что *Тума тӱс* «кормят барской бараниной, рыбой, кандыком, картофелем, брызгают аракой» [Адрианов, 1909. С. 523]. Отваренные кусочки мяса со словами молитвы бросали в огонь и в сторону *ызых* [Яковлев, 1900. С. 107].

Посвящаемый конь предварительно проходил ритуал очищения (*ызых чуурга*) [Хакасско-русский словарь, 2006. С. 1037]. Для этого он поэтапно обмывался отваром богородской травы и молоком. В этом процессе использовался еще и такой ритуальный предмет, как опахало, называемый хакасами *хус (ызых) сапхынчызы*. Он представлял собой небольшую палочку с прикрепленными к ней лентами – *чалама*, различных цветов. Иногда к ним присоединяли еще и козлиную шкуру [Яковлев, 1900. С. 62–63].

В дальнейшем животное окуривалось чабрецом. Затем шаман привязывал к гриве и хвосту белые и синие ленты *чалама* и совершал трехкратный обход по солнцу вокруг коня. В процессе священнодействия он произносил молитвы-обращения к духам (*алгыс*) и окроплял *арага* коня¹³. К концу обряда проводил акт гадания – *теерик*. Для этого чашу с обозначенным напитком и ложкой ставили на круп животного и три раза вели коня по кругу [Катанов, 1907. С. 577]. Чаша падала. Если чаша приземлялась дном вниз, это считалось хорошим предзнаменованием и означало, что обряд проведен успешно и божества довольны. Иное падение считалось плохим знаком. Далее на спину *ызых* трижды ставили и снимали *Хус тӱс*, после чего фетиш устанавливали на свое место [Там же].

Помимо семейно-родовых обрядов поклонения *Хус тӱс*, верующие практиковали еще и индивидуальные акты его почитания. В традиционных воззрениях хакасов было принято считать, что при нарушении правил обращения с фетишами и в иных случаях на человека могли обрушиться различные болезни и несчастья. Однако в процессе их задабривания путем молитвенных обращений и жертвенных даров, как полагали, заболевания и беды быстро проходили. Были убеждены, что в ведение *Хус тӱс* входило исцеление от болезней головы, глаз, легких, лопаточной области и др. (см.: [Катанов,

1893. С. 540; 1907. С. 569, 577; Яковлев, 1900. С. 61–62; Адрианов, 1909. С. 523; Иванов, 1979. С. 132] и др.).

Для лечения приглашали шамана либо знающего человека¹⁴. Больного обмахивали опахалом – *хус сапхынчызы*, и трижды обносили вокруг него чашу с *арага*. Затем обмазывали ею больные места [Яковлев, 1900. С. 61–62]. В качестве жертвенного подношения *Хус тӱс* обычно выступали следующие продукты: *арага*, молоко, масло, перловые зерна, крупа, табак и толченая коринка [Катанов, 1893. С. 540; 1907. С. 577; Усманова, 1975. С. 209]. Жертвуемая духу пища за исключением напитков, обычно сжигалась, так как считалось, что фетиш питается ею посредством дыма [Там же]. При этом, по сведениям М. С. Усмановой, процесс «кормления» этого фетиша в период болезни человека осуществлялся дважды в сутки – утром и вечером [1975. С. 209], а в остальное время гораздо реже¹⁵.

Таким образом, изложенный материал позволяет сделать следующий вывод. В культуре хакасов образу птицы отводилось особое место. Одно из своих ярких выражений он получил в таком культовом изделии, как *Хус тӱс*. В традиционном сознании хакасов представлен многогранный синкретичный образ этого духа. В нем угадываются черты разных видов птиц, и выявляется его связь с божеством плодородия. Фетиш воспринимался в качестве одного из влиятельных духов – покровителей людей. Во многом данный факт и определил его особую популярность среди верующих. В народе были распространены многообразные варианты его изображения, названия и способов его размещения в пространстве. При этом он мог быть установлен как внутри жилища, так и за его пределами. В отношении него была сформирована обрядность, имевшая свою специфику у различных субэтнических и этнолокальных групп хакасов. Она включала в себя периодическое проведение общественных ритуалов жертвоприношения, посвящения *ызых*, а также индивидуальные акты кормления и др. Анализ мифоритуального комплекса, связанного с птичьим фетишем, обнаруживают элементы, свидетельствующие об историко-куль-

¹³ *Арага* – традиционный спиртной напиток хакасов, более известный в литературе как арака.

¹⁴ АМАЭС ТГУ. № 678-2. Л. 48.

¹⁵ Там же. № 677-6. Л. 9.

турных, а возможно и генетических, связей хакасов с монголами.

Список литературы

Адрианов А. В. Очерки Минусинского края. Отдельный оттиск из «Сибирского Торгово-Промышленного Календаря» на 1904 г. Томск: Паровая Тип.-лит. П. И. Макушина, 1904. 62 с.

Адрианов А. В. Айран в жизни минусинского инородца // Зап. ИРГО по отд. Этнография, 1909. Т. 34. С. 489–524.

Андреев А. И. Труды и материалы В. О. Татищева о Сибири // СЭ. 1936. № 6. С. 93–103.

Анучин Д. Н. К истории искусства и верований у приуральской чуди. Чудские изображения летящих птиц и мифических крылатых существ. М.: Тип. М. Г. Волчанинова, 1899. 77 с.

Бутанаев В. Я. Бурханизм тюрков Саяно-Алтая. Абакан: Изд-во ХакГУ, 2003. 260 с.

Дыренкова Н. П. Птица в космогонических представлениях турецких племен Сибири // Культура и письменность Востока. Баку: ВЦК НТА, 1929. Кн. 4. С. 119–126.

Зеленин Д. К. Культ онгонов в Сибири. М.: Изд-во АН СССР, 1936. 436 с.

Иванов С. В. Скульптура алтайцев, хакасов и сибирских татар (XVIII – первая четверть XX в.). Л.: Наука, 1979. 195 с.

Катанов Н. Ф. Наречия урянхайцев (сойотов), абаканских татар и карагасов. СПб.: [б. и.], 1907. 640 с. (Образцы народной литературы тюркских племен, изданные В. В. Радловым; Т. 9).

Катанов Н. Ф. Среди тюркских племен // Изв. ИРГО. 1893. Т. 29. С. 519–541.

Клеменц Д. А. Заметка о тюсях // Изв. ВСО ИРГО. 1892. Т. 23. № 4–5. С. 23–35.

Коре Сарыг на Буланом коне. Новосибирск: Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1974. 191 с.

Мифы и легенды хакасов. Абакан: Хак. кн. изд-во, 2006. 208 с.

Островских П. Е. Этнографические заметки о тюрках Минусинского края // Живая Старина. 1895. Вып. 3–4. С. 297–348.

Потапов Л. П. Из истории ранних форм семьи и религиозных представлений (обычай дарения убитого лебедя у хакасов) // СЭ. 1959. № 2. С. 18–30.

Усманова М. С. Культ тёсей у кызыльцев // Из истории Сибири. Томск: Изд-во ТГУ, 1975. Вып. 16. С. 206–215.

Хакасско-русский словарь. Новосибирск: Наука, 2006. 1114 с.

Яковлев Е. К. Этнографический обзор инородческого населения долины Южного Енисея и Объяснительный каталог Этнографического отдела музея. Описание Минусинского музея. Минусинск: Тип. В. И. Корнакова, 1900. Вып. 4. 212 с.

Список источников

Архив Музея археологии и этнографии им. В. М. Флоринского Томского государственного университета (АМАЭС ТГУ). № 677-2 «Этнографическая экспедиция ТГУ. Хакасия – Чулым. Лето 1972 г. Вел тетрадь И. А. Никитинский (Кызыльцы)». 93 л.; № 677-6 «Этнографическая экспедиция ТГУ в Хакасию летом 1972 г. Записи вела Э. Л. Львова и М. С. Усманова». – 10 л.; № 677-9 «Этнографическая экспедиция ТГУ. Хакасия-Чулым. Лето 1972 г. Тетрадь № 9. Записи вела М. С. Усманова». 7 л.; № 677-13 «Этнографическая экспедиция ТГУ. Хакасия-Чулым. Лето 1972 г. Тетрадь № 13. Записи вела М. С. Усманова». 63 л.; № 678-1 «Этнографическая экспедиция ТГУ в Хакасию, Ужурский и Шарыповский районы Красноярского края. Август 1973 г. Записи вела М. С. Усманова». 51 л.; № 678-2 «Этнографическая экспедиция в Хакасию летом 1973 г. Записи вела М. С. Усманова». 48 л.; № 678-3 «Этнографическая экспедиция ТГУ в Хакасию и Шарыповский район Красноярского края. Август-сентябрь 1973 г. Записи вела М. С. Усманова». 48 л.

Архив Минусинского краеведческого музея им. Н. М. Мартыанова (АМКМ). Ф. 1. Оп. 1. Д. 664 «Яковлев Е. К. Материалы по этнографии хакасов». 40 л.

V. A. Burnakov^{1,2}, D. Ts. Tsydenova²

¹ *Institute of Archaeology and Ethnography of the SB RAS
17 Lavrent'ev Ave., Novosibirsk, 630090, Russian Federation*

² *Novosibirsk State University
2 Pirogov Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation*

venariy@ngs.ru, ruta22@rambler.ru

HUS TÖS – BIRD FETISH IN MYTHOS-RITUAL SPHERE OF KHAKASSES (END XIX – MID XX CENTURIES)

Purpose. The article aims at studying the cult of bird among the Khakasses through such a material manifestation as a fetish Hus tös.

Results. We defined the sacred significance and the role of the fetish in the worldview and ritual practices of the Khakasses, analyzed the fetish's external characteristics and revealed symbolic variations of its design, and considered the ways of people's interaction with this ritual sacred object.

Conclusion. The chronological scope of the work covers the end of the XIX – mid XX centuries. The choice of such time limits is caused primarily by the database sources referring to the topic under research. The main sources are archival and ethnographic materials. The work is based on comprehensive, system-historical approach to the study of the past. Research methodology is based on historical and ethnographic methods – scientific description, in particular specific historical and relic. In the worldview and ritual practices of the Khakasses, considerable attention was given to the cult of bird. It includes the totality of religious and magical ideas, as well as rituals and ceremonies associated with certain kinds of birds from ancient times to the present. This cult is seen as a changing phenomenon going from the ancient, diverse, unified cult to its remnants in the present. On the other hand, there is no doubt that many of the ideas underlying this cult have survived unchanged to the present day. In addition, in our interpretations of the cult of birds of prey and religious-magical rites and rituals associated with it, we assume the generally accepted position that in ancient times the religious and magical ideas and rituals covered most, if not all, aspects of the life of ancient man. The Bird was considered an unusual creature, although approximately equal to a person (totemism). The Bird demanded that the human relationship to it should be expressed in the ritual and utilitarian areas. At the same time, religious and social hierarchy in the world existed apart from the Bird as it lives according to its own rules. Thus, the Bird is in the complex real and unreal relationships with the world of men. In their traditional beliefs, the Khakasses presented a multifaceted image of a syncretic Hus tös. It combined the features of different species of birds and the deity of fertility. Traditionally, the Bird possessed protective and patronizing functions including the power of purification, healing, etc. The image of the spirit of the Bird found its vivid expression in the fetish Hus tös. All the major sacred qualities of this supernatural being were transferred to this ritual subject. This idol was perceived as one of the most important tribal family spirits-patrons. A common belief was that in many ways safety of the people's health, their wellbeing and life success in their economic activities depended on the benevolence of Hus tös.

Keywords: Khakasses, tradition, worldview, cult of bird, fetish, Hus tös, ceremonies.

References

Adrianov A. V. *Ocherki Minusinskogo kraya* [Sketches of Minusinsk edge]. Tomsk, Parovaya Tipo-lit. P. I. Makushkina Publ., 1904, 62 p. (in Russ.)

Adrianov A.V. Airan v zhizni minusinskogo inorodtsa [Aiyran in life of the Minusinsk foreigner]. *Izvestiya Imperatorskogo Russkogo Geograficheskogo Obshchestva po otd. Etnografiya* [The bulletin of the Imperial Russian Geographical Society in the department of ethnography], 1909, vol. 34, p. 489–524. (in Russ.)

Andreev A. I. Trudy i materialy V. O. Tatishcheva o Sibiri [Works and materials V. O. Tatishchev's about Siberia]. *Sovetskaya etnografiya* [Soviet ethnography], 1936, no. 6, p. 93–103. (in Russ.)

Anuchin D. N. *K istorii iskusstva i verovaniu u priural'skoi chudi. Chudskie izobrazheniya letyashchikh ptits i mificheskikh krylatykh sushchestv* [To art history and beliefs of the Uralic Chud. Chud image flying birds and mythical winged creatures]. Moscow, Tipograf. of M. G. Volchaninova Publ., 1899, 77 p. (in Russ.)

Butanaev V. Ya. *Burkhanizm tyurkov Sayano-Altaya* [Burkhanism Turks Sayano-Altai]. Abakan, KhGU Publ., 2003, 260 p. (in Russ.)

Dyrenkova N. P. Ptitsa v kosmogonicheskikh predstavleniyakh turetskikh plemen Sibiri [Bird in the cosmological views of the Turkish tribes of Siberia]. *Kul'tura i pis'mennost' Vostoka* [Culture and writing of the East]. Baku, VTSK NTA Publ., 1929, vol. 4, p. 119–126. (in Russ.)

Zelenin D. K. *Kul't ongonov v Sibiri* [The cult of ongons in Siberia]. Moscow, Academy of Sciences USSR Publ., 1936, 436 p. (in Russ.)

Ivanov S. V. *Skul'ptura altaitsev, khakasov i sibirskikh tatar (XVIII – pervaya chetvert' XX veka)* [The Sculpture Altai, Khakas and Siberian Tatars (XVIII – the first quarter of XX century)]. Leningrad, Nauka, 1979, 195 p. (in Russ.)

Katanov N. F. Sredi tyurkskikh plemen [Among the Turkic tribes]. *Izvestiya Imperatorskogo Russkogo Geograficheskogo Obshchestva* [The bulletin of the Imperial Russian Geographical Society], 1893, vol. 29, p. 519–541. (in Russ.)

Katanov N. F. *Narechiya uryankhaitsev (soiotov), abakanskikh tatar i karagasov: (Obraztsy narodnoi literatury tyurkskikh plemen, izdannye V. V. Radlovym)* [Adverbs Uryankhays (Soyots), Abakan Tatars and Karagas: (Samples folk literature of Turkic tribes issued V. V. Radloff)]. St.-Petersburg, [without publishing], 1907, vol. 9, 640 p. (in Russ.)

Klements D. A. Zametka o tyusakh [Note about the tyus]. *Izvestiya Vostochno-sibirskogo otdela Russkogo Geograficheskogo Obshchestva* [The bulletin of the East-Siberian Department of Imperial Russian Geographical Society], 1892, vol. 23, no. 4–5, p. 23–35. (in Russ.)

Kore Saryg na Bulannom kone [Kore Saryg Bulan horse]. Novosibirsk, Zap.-Sib. Publ., 1974, 191 p.

Mify i legendy khakasov [Myths and legends Khakas]. Abakan, Khak. Kn. Publ., 2006, 208 p. (in Russ.)

Ostrovskikh P. E. Etnograficheskie zametki o tyurkakh Minusinskogo kraia [Ethnographic Notes about the Turks Minusinsk Territory]. *Zhivaya starina* [Living antiquity], 1895, vol. 3–4, p. 297–348. (in Russ.)

Potapov L. P. Iz istorii rannikh form sem'ii religioznykh predstavlenii (obychai dareniya ubitogo lebedya u khakasov) [From the history of the earliest forms of the family and religious beliefs (the custom of giving a swan killed at Khakas)]. *Sovetskaya etnografiya* [Soviet ethnography], 1959, vol. 2, p. 18–30. (in Russ.)

Usmanova M. S. Kul't tyosei u kyzyl'tsev [Cult of Tyosy at kyzylts]. *Iz istorii Sibiri* [From the history of Siberia], 1975, no. 16, p. 206–215. (in Russ.)

Khakassko-russkii slovar' [Khakass-Russian Dictionary]. Novosibirsk, Nauka, 2006, 1114 p. (in Russ.)

Yakovlev E. K. *Etnograficheskii obzor inorodcheskogo naseleniya doliny Yuzhnogo Eniseya i ob'yasnitelnyi katalog etnograficheskogo otdela muzeya. Opisanie Minusinskogo muzeya* [Ethnographic Overview on Native Population South Yenisei Valley and Explanatory Catalog Ethnographic Department of the Museum. Description Minusinsk Museum]. Minusinsk, V. I. Kornakov Publ., 1900, vol. 4, 212 p. (in Russ.)

List of Sources

Arkhiv Muzeya arkheologii i etnografii Sibiri Tomskogo gosudarstvennogo universiteta (AMAES TGU) [Archive of the Museum of archeology and ethnography of Tomsk State University] № 677-2 «Etnograficheskaya ekspeditsiya TGU. Khakasiya-Chulyum [№ 677-2. Ethnographic expedition TSU. Khakassia-Chulyum]. Leto 1972 g. Tetrad' vel I. A. Nikitinskii». [Summer of 1972. Notebook No. 1. Recording led I.A. Nikitinskii], 93 p.

Arkhiv Muzeya arkheologii i etnografii Sibiri Tomskogo gosudarstvennogo universiteta (AMAES TGU) [Archive of the Museum of archeology and ethnography of Tomsk State University] № 677-6 «Etnograficheskaya ekspeditsiya TGU v Khakasiyu» [Ethnographic expedition TSU in Khakassia]. Leto 1972 g. Zapisi veli E. L. L'vova i M.S. Usmanova». [Summer of 1972. Notebook No. 9. Recording led E. L. Lvova and M. S. Usmanova], 10 p.

Arkhiv Muzeya arkheologii i etnografii Sibiri Tomskogo gosudarstvennogo universiteta (AMAES TGU) [Archive of the Museum of archeology and ethnography of Tomsk State University] № 677-9 «Etnograficheskaya ekspeditsiya TGU. Khakasiya-Chulyum» [Ethnographic expedition TSU. Khakassia-Chulyum]. Leto 1972 g. Tetrad' № 9. Zapisi vela M.S. Usmanova». [Summer of 1972. Notebook No. 9. Recording led M. S. Usmanova], 7 p. (In Russ.)

Arkhiv Muzeya arkheologii i etnografii Sibiri Tomskogo gosudarstvennogo universiteta (AMAES TGU) [Archive of the Museum of archeology and ethnography of Tomsk State University] № 677-13 «Etnograficheskaya ekspeditsiya TGU. Khakasiya-Chulyum» [Ethnographic expedition TSU. Khakassia-Chulyum]. Leto 1972 g. Tetrad' № 13. Zapisi vela M.S. Usmanova». [Summer of 1972. Notebook No. 13. Recording led M. S. Usmanova], 63 p. (In Russ.)

Arkhiv Muzeya arkheologii i etnografii Sibiri Tomskogo gosudarstvennogo universiteta (AMAES TGU) [Archive of the Museum of archeology and ethnography of Tomsk State University] № 678-1 «Etnograficheskaya ekspeditsiya TGU v Khakasiyu, Uzhurskii i Sharypovskii raiony Krasnoyarskogo kraja [Ethnographic expedition TSU in Khakassia, Uzhur and Sharypov districts of the Krasnoyarsk territory]. Avgust 1973 g. Zapisi vela M. S. Usmanova» [August, 1973. Recording led M. S. Usmanova], 51 p. (In Russ.)

Arkhiv Muzeya arkheologii i etnografii Sibiri Tomskogo gosudarstvennogo universiteta (AMAES TGU) [Archive of the Museum of archeology and ethnography of Tomsk State University] № 678-2 «Etnograficheskaya ekspeditsiya v Khakasiyu letom 1973 g. [Ethnographic expedition in Khakassia Summer of 1973]. Zapisi vela M. S. Usmanova» [Recording led M. S. Usmanova], 48 p. (In Russ.)

Arkhiv Muzeya arkheologii i etnografii Sibiri Tomskogo gosudarstvennogo universiteta (AMAES TGU) [Archive of the Museum of archeology and ethnography of Tomsk State University] № 678-3 «Etnograficheskaya ekspeditsiya TGU v Khakasiyu i Uzhurskii raion Krasnoyarskogo kraja [Ethnographic expedition TSU in Khakassia and Uzhur districts of the Krasnoyarsk territory]. Avgust-Sentyabr' 1973 g. Zapisi vela M. S. Usmanova» [August-September, 1973. Recording led M. S. Usmanova], 48 p. (In Russ.)

Arkhiv Minusinskogo kraevedcheskogo muzeya [Archive Museum of Archive of the Minusinsk Museum of Local History]. F. 1. Op. 1. D. 664 «Yakovlev E. K. Materialy po etnografii khakasov» [Fund № 1. Inventory № 1. Notebook № 664 «Yakovlev E. K. Materials on the ethnography Khakasians»], 40 p. (In Russ.)